

Период дожителя

На столике — и пластырь и, псалтырь.

М. Петровых

На столике — не Энгельс, а псалтырь,
в стакане — не портвейн, а минералка,
а в зеркале — не молодец, а хмырь,
не парус поднят — яхту держит чалка.

Всё верится, что совершу кульбит:
пойду под парусом, налью в стакан «Агдама»,
и «Анти-Дюринг» будет мной добит,
зеркал помолодеет амальгама.

Но прав сто раз Эфесский Гераклит,
что рёк про реку — суть общеизвестна.

Любой из нас в судьбу как будто влит,
всему есть время и всему есть место.

Судьба и время — корпус субмарин,
и никуда не деться из подлодки,
а в алых парусах, товарищ Грин,
необходимости нет в нашем околотке.

Куда ж нам плыть? Каков последний галс?
Задраены навечно переборки?

Намедни мне был послан свыше глас:
Препоны не снаружи, а в подкорке.

Палитра

Сожалею, что вам фиолетово
Всё, о чем я так сладостно пел:
про причуды и беды поэтовы,
и взахлёб — о Мартынове Л.

Жаль, что вам серобуромалиново
то, над чем вечерами корпел.
Между нами непреодолимое
отчуждение душ, да и тел.

Вы и броская дама и гарная,
и так ластится ваш креп-жоржет...
До столба, полагаю, фонарного
мой четвёртый по счету сонет.

А когда произнёс поучительно:
Гумилёв — это не Могилёв,
Вы назвали меня существительным,
я озвучить его не готов.

Вы закончили фразою смачною —
этим штилем не пишут новелл...
И поплёлся я прочь старой клячею,
не один, а с Мартыновым Л.

Самому мне бывает сиренево
почти всё, что узрел и воспел...
Почитать что ли на ночь Кенжеева?
Или лучше — Мартынова Л.?

Закат

Небесный Лувр свои смарагды звёзд
пришпиливает к синим ламбрекенам,
а Гончих Псов свисающая гроздь
декором служит тёмным мизансценам.

Ещё не ночь, покуда льёт чугун
Ярило из своей суфлёрской будки,
а полумесяц, словно Гамаюн,
вещает, что грядут другие сутки.

Течёт с востока сизый мельхиор,
переполняя неба окоёмы.
Пронзил рапирой дальний метеор
Млечпуть бездонный, вечностью влекомый.

Самосуд

Душа и я... Мы ладили вначале,
без недомолвок жили и вранья.
Нас обходили многие печали
и не кружили стаи воронья.

После прямой нас ждали повороты
и перекрестков множилось число.
Души моей ослабили укороты,
меня с прямой на бровку понесло.

Душа послушной падчерицей стала,
а я грубил как отчим: «Не перечь!»
Она была под тяжкою опалой,
а я не слушал праведную речь.

Вот так и жил, скользя по жизни брэнной,
без сантиментов жизнь свою верша.
Но время шло, и вот настало время —
заголосила пленная душа.

Она кричала: «Человек, послушай,
живи, как знаешь, Бог простит тебя,
но неспроста людей терзают души,
людскую совесть вечно теребя.

Ты заблуждаешься, наивно полагая,
что без меня отмерить сможешь срок.
От йскуса тебя оберегаю,
не выставляй бездумно за порог».

Я внял мольбам, мы снова, как вначале,
жить стали без лукавства и вранья.
Уже не обходили нас печали,
Немало стай кружило воронья.

Греха и святости, считай, наполовину,
но самосуд я над собой чиню:
за прегрешенья не виню судьбину
и обстоятельства — за всё себя виню.